

Оцепенев, он стоял и смотрел на поток. Фэн Лун отыскал чистый камень и сел на него, тихонько напевая песню среди рева воды.

— Вот тонкий ароматный хлопок, легкий и мягкий, как сказочное облако. В древние времена, никто не замечал моих медленных шагов по золотому дворцу. Прости меня за сегодняшний день, я жду тебя... — Его голос сильный, хотя он пел очень мягко, его все равно было слышно даже за шумом воды.

Глядя на водопад, Бай Шаоцин услышал песню Фэн Луна и вдруг ощутил неясную боль в своем сердце.

Казалось, в его груди сражается огромная армия, заливая кровью все вокруг.

Он крепко сжал руки, волна обиды и злости, которым некуда было деваться, искала выхода.

Он было подумал развернуться и уйти, но внезапно передумал, подошел к Фэн Луну и молча сел рядом.

Постепенно он начал петь вместе с ним.

...

На пике Нефритового Пальца скорбно и прекрасно лилась песня.

На мгновение, будто все живое замерло от этой горькой песни и перестало дышать.

Эта песня — единственное, что осталось между небом и землей.

— Моя матушка была очень красивой женщиной.

— Несложно догадаться, — сказал Фэн Лун. — Как могла обычная женщина родить такого мужчину как ты?

— Она родилась в горах и, хотя от рождения не могла видеть, была прекрасна, словно небожитель. Матушка могла бы всю жизнь провести в мире и покое, но спасла Бай Можаня.

— Раз уж твоя мама исключительная красавица, а у распутника Бай Можаня была Сун Сянли, как он мог устоять?

— Бай Можань обманул маму сладкими речами. Приведя нас в дом семьи Бай, он поначалу относился к нам хорошо, но однажды... — Бай Шаоцин уставился на водопад злым взглядом. — Однажды я вернулся домой и обнаружил, что мама изменилась. Она... больше не была красивой. — Его голос сорвался.

— Маска из человеческой кожи, — вздохнул Фэн Лун.

— Мне едва исполнилось два года, а они сказали, что мама всегда так выглядела. Все члены семьи Бай знали, что злодеяние совершила Сун Сянли, но никто не вышел вперед, чтобы рассказать. Даже мама говорила, что она такой и была. Хотя я был маленький, но все равно знал, что лицо моей матери испорчено той женщиной. Когда Сун Сянли пострадала, разумеется, она не могла вынести, чтобы кто-то с внешностью мамы был рядом с Бай Можанем. Я все знал, но ничего не мог сделать.

Ногти впились в ладонь. Пролитая им кровь не идет ни в какое сравнение с муками, что были пролиты за эти годы. Поэтому он даже не взглянул на кровь, капающую с его белоснежной ладони.

Кровь, попадающая на край пруда, была поглощена водой, теряя свой багровый цвет.

— После того дня Бай Можань больше не приходил к маме, — в оцепенении сказал он. — Только вздохнул о потере красивого лица, будто о запустении зеленого кургана или утоплении аметиста.

На его плечо внезапно легла теплая ладонь Фэн Луна.

Бай Шаоцин медленно опустил голову, пряча увлажнившиеся глаза.

— На лице моей мамы — маска из человеческой кожи, — сказал он. — Если она не хотела, чтобы я знал, тогда я не знаю.

— Я знаю, — вздохнул Фэн Лун. Когда он впервые увидел ту женщину, он уже знал, что на ней маска.

— На самом деле мама... очень любит Бай Можаня.

— Я знаю.

— Но за столько лет она не сказала мне и слова.

— Когда любовь так глубока, она причиняет много боли. Не будем об этом.

— Если бы она узнала, что я своими руками убил Бай Можаня, у нее бы разорвалось сердце.

Фэн Лун приподнял подбородок Бай Шаоцина и, выделяя каждое слово, сказал:

— Шаоцин, ты не ошибся. От начала и до конца не было никакой ошибки.

Бай Шаоцин посмотрел на него бездонным взглядом. Его холодные глаза ныне будто кипели, излучая волны растерянности.

— Я ошибся, страшно ошибся. Думаешь я не знаю? — закричал он, истерически смеясь. — Но у меня не было иного выхода. Жалкий, ненавистный, позорный и достойный осуждения, я не мог избежать ни одного из них. Под небесами и на земле нет такого пути, по которому я, Бай Шаоцин, мог бы пойти.

Фэн Лун молча смотрел на Бай Шаоцина.

Он никогда раньше не смотрел на Бай Шаоцина таким любящим и прощающим взглядом. Это было потому, что он никогда еще не видел настолько отчаявшегося и прекрасного человека.

На мгновение все вокруг будто замерло.

Они забыли про водопад, шум воды, забыли о культе Справедливости в Цзянху, о сокровищах и поразительных пилюлях, забыли о тепле Изумрудного меча, об обидах и предательстве друг друга.

В мире поистине есть момент забвения.

Момент забвения — это вечность.

— Если она узнает, что я убил Бай Можаня, боюсь, она долго не проживет.

— Верно.

— Я своими руками убил Бай Можаня, и своими руками похороню свою мать.

— Может быть.

— Но я... я правда ненавижу его. Ненавижу настолько, что не мог не убить.

— Шаоцин, — сказал Фэн Лун. — Поплачь.

Бай Шаоцин бросился в его объятия и закричал, будто в агонии.

Он рыдал, пока небо не потемнело, а голос не охрип. Плакал, пока одежды Фэн Луна не промокли насквозь.

Когда он поднял голову, уже стемнело.

Луна висела в небе, излучая бледное сияние.

— Жаль, что сегодня не десятый день месяца, и нельзя увидеть Млечный Путь.

Фэн Лун выудил из-за пазухи фейерверк.

Он зажег его и сигнал семьи Фэн со свистом взвился в небеса, рассыпавшись множеством ярких искр.

*П/п: Наверняка многие видели эти сигналы-печати в дунхуа или дораме.

— Посмотри туда, — указал вдаль Фэн Лун.

Вглядевшись, Бай Шаоцин заметил вдалеке еле различимый свет, будто там что-то горело, разгораясь все ярче и ярче.

— Башня Таньсяо?

— Именно.

— Почему вы ее сжигаете?

— Ради тебя, — улыбнулся Фэн Лун. — Той комнаты в Таньсяо больше не существует.

— Какой щедрый жест молодой господин Фэн, — сказал Бай Шаоцин. — Если бы ты был правителем страны, то старые времена маяков снова бы повторились.

Ничего не ответив, Фэн Лун достал что-то из-за пазухи и протянул ему.

Присмотревшись, Бай Шаоцин с удивлением обнаружил, что это была агатовая бутылочка настойки Хуажун Юэмао. Его сердце дрогнуло, но лицо сохранило свое бесстрастное выражение, когда он со смешком спросил:

— Что? Ты опять хочешь дать мне эту штуку?

— Отнеси это своей бывшей любовнице.

Осторожно положив бутылочку за пазуху, Бай Шаоцин вдруг посерьезнел.

— Фэн Лун, чего ты хочешь?

— Чего я хочу? — Фэн Лун опустил глаза на камень у себя под ногами и задумался. Затем он вздохнул: — Я хочу, чтобы ты любил меня, несмотря на то, что я обманывал и причинял тебе боль.

— Несбыточные мечты, — холодно усмехнулся Бай Шаоцин.

— Однажды придет день, когда ты узнаешь, что такое любовь.

— Позвольте узнать, учитель, что же такое любовь?

— Любовь — это неполная ненависть, неполная боль. Это невозможность расстаться; отпускать, но не терять, и тосковать. Это настойчивость и раны, проникающие внутрь тела. Однажды ты поймешь, что никогда не сможешь уйти без ненависти и сожалений, — мягко ответил Фэн Лун. — Шаоцин, я уже посадил в тебе корень любви, ты не сможешь сбежать.

Бай Шаоцин внезапно сделал шаг назад и глубоким голосом произнес:

— Тогда я сам вырву его из своего сердца.

Фэн Лун слегка улыбнулся и молча покачал головой.

— Поменьше болтай. Я собираюсь взять отпуск и отправить на гору Хуашань, — сказал Бай Шаоцин. — С твоими навыками тебе можно не опасаться, что я не вернусь.

— Иди!

Бай Шаоцин развернулся и ринулся прочь, точно сокол, выпущенный на волю.

У подножия горы он начал задыхаться от быстрого бега.

Подобно орлу, выпущенному из темницы, он летел во весь опор, расправив крылья.

Пик Нефритового Пальца, пепел, оставшийся от башни Тяньсяо, и фигура, стоящая на скале и смотрящая в его сторону, постепенно скрылись из виду.

Шестой месяц, гора Хуашань.

Древнее, но величественное строение крепко спит в ночи. Изредка мимо проходили патрулирующие адепты, всегда огибая женские покои и посылая молчаливые соболезнования.

Это покои Фан Нихон.

Уже глубокая ночь, но она до сих пор не спит. Она сидит одна перед зеркалом и безучастно смотрит на свое лицо.

Нежное личико теперь покрыто жуткими шрамами; контраст между зарубцевавшимися ранами и белой кожей производит еще более ужасающее впечатление.

Столь уродливые шрамы, даже некрасивая женщина была бы убита горем, обнаружив на своем лице подобные рубцы. Но эти порезы были сделаны ей самой.

Глядя на себя в зеркало, она не могла не испытывать страха.

Некогда она поклялась ждать кое-кого до конца своих дней. Она думала, что отдаст этому человеку все, включая свою жизнь и свое лицо.

Она думала, что достаточно сильна, чтобы не ощущать раскаяния. Сделав эти порезы, она сама была тронута своей преданностью и верностью.

Но сейчас, сидя перед зеркалом, она боялась, что не такая сильная, как ей казалось.

Фан Нихон вздохнула.

Она разрешила свою любовь и свое будущее.

Она думала о Бай Шаоцине, о своем отце, и о мужчине, который просил ее руки. Почему она так решительно порезала себя? Она надеялась стойко блюсти целомудрие, но теперь начала жалеть об этом.

Внешность для молодой девушки порой важнее жизни и часто важнее сиюминутных эмоций. Была глубокая ночь, но она до сих пор не могла уснуть. Удары ножа решили ее судьбу, но теперь она начала сомневаться, правильно ли это было.

Возможно, Бай Шаоцин будет таким же влюбленным, как его отец, и ей повезет так же, как Сун Сянли. Это был последний проблеск надежды, который она хранила в своем сердце.

Она еще не знала, что дом семьи Бай, вместе с объектом ее зависти обратился в пепел.

В комнате раздался негромкий вздох, будто повсюду царила лишь душевная пустота.

Вдруг послышался порыв ветра.

Откуда взялся такой сильный ветер летней ночью?

— Кто это? — Фан Нихон повернула голову и тут же застыла.

Это был он, стоящий перед дверью, как нефритовое дерево на ветру.

Внезапно ее сердце забилося где-то выше.

— Ты... — слово застряло у нее в горле. Фан Нихон резко остановилась, ее ярко-красные губы задрожали. В страхе закрыв лицо руками, она упала на туалетный столик.

Голос Бай Шаоцина звучал так же, как и в тот день - низко и мягко:

— Дева Фан.

— Не подходи! — Едва она услышала эти слова, как почувствовала, что ее сердце снова разбилось. Фан Нихон запаниковала: — Не подходи, я... я так уродлива...

— Глупая девочка, — легонько, но с непререкаемой решимостью Бай Шаоцин приподнял ее подбородок и встретил ее покрытое шрамами лицо самой нежной, самой трогательной улыбкой.

— Разве это уродство? — улыбнулся он.

— Я... — она попыталась прикрыться, но Бай Шаоцин остановил ее.

Когда откинуть его руку не получилось, девушка скрипнула зубами:

— Что ты здесь делаешь? Я уже уродлива, зачем ты пришел?

— Зачем ты порезала себе лицо? — Бай Шаоцин покачал головой. — Неужели ты знала, что у меня в руках настойка Хуажун Юэмао, и специально хотела, чтобы я пришел к тебе?

— Настойка Хуажун Юэмао?

Бай Шаоцин вытащил из-за пазухи агатовую бутылочку.

— Если есть настойка Хуажун Юэмао, то естественно есть и красота, — он передал бутылочку с легким касанием.

— Зачем она нужна?

— Просто нанесите это на шрамы и увидите, — Бай Шаоцин сделал паузу. — Будет очень больно, придется потерпеть и не трогать. Когда боль пройдет, кожа отрастет и станет еще красивее.

Фан Нихон посмотрела на Бай Шаоцина большими черными глазами.

— Это правда?

Ее тонкая рука крепко схватила агатовую бутылочку.

— Конечно правда.

Ослепительно удивление пронеслось в ее сердце. Если даже она может быть безжалостной, чтобы уничтожить саму себя, то как она может быть безжалостной, чтобы не сожалеть об этом до конца жизни?

— Дева Фан.

— Ты до сих пор называешь меня "дева Фан"?

Бай Шаоцин улыбнулся, на этот раз уже горькой улыбкой. Он посмотрел на девушку, которая глядела на него и невольно протянул руку, чтобы погладить кончики ее волос.

— Нихон, я попрошу тебя об одном деле.

— Расскажи, — Фан Нихон стиснула зубы. — Для тебя я сделаю все что угодно.

Бай Шаоцин вздохнул.

— Если есть мужчина, который тебе нравится, выходи за него замуж.

Девушка так растерялась, что чуть не выронила агатовую бутылочку. Широко раскрыв глаза, она спросила:

— Почему? Неужели это...

— Нет, — покачал головой Бай Шаоцин.

— Потому что ты хорошая девушка. Потому что ты мне нравишься. Потому что один раз ты ошиблась и я надеюсь, что больше не ошибешься. Потому что однажды у тебя будет муж и собственные дети. Потому что... я не могу на тебе жениться.

Фан Нихон сжала кулаки.

— Почему?

Причину Бай Шаоцин нашел довольно легко.

— Дом семьи Бай был уничтожен, все домочадцы погибли. Я хочу отомстить и не могу думать о чувствах.

— Я могу подождать.

— Если ты будешь ждать, я буду переживать. — Лицо Бай Шаоцина приобрело отстраненное выражение. — Если я буду переживать, то не смогу сосредоточиться.

— Но...

— Если я отвлекусь, то у меня ничего не получится, — Бай Шаоцин пристально посмотрел на нее и тихо произнес: — Неудача — это смерть.

Фан Нихон задрожала. Конечно же, она не хотела, чтобы Бай Шаоцин умер. Ее тронул тот факт, что она была важна для него.

Она вспомнила легенды о любви, которые передавались в мире Улинь на протяжении тысячелетий, и ни одна из них не была более скорбной и трогательной, чем та, которая происходила между ними.

Поэтому она храбро кивнула.

— Хорошо, я обещаю. — Она вспомнила обо всех красавицах, которые испокон веков терпели всяческие унижения ради своих возлюбленных.

— Премного благодарен.

Бай Шаоцин встал, посмотрел на нее глубоким взглядом и наклонился, чтобы нежно

поцеловать в лоб.

— Используй настойку через три дня. Если кто-то спросит откуда она, скажи, что тебе ее подарил странник, — сказал Бай Шаоцин. — Запомни, используй через три дня.

— Угу, — согласилась она, даже не спросив о причине.

Ближе к ночи, когда Фан Нихон уснула, Бай Шаоцин тихо ушел.

Судьба Фан Нихон переписана заново. Она вновь обретет красоту, найдет мужа и свою жизнь. Она юна, а у юных есть надежда на перемены. Она точно сможет найти человека, достойного любви и влюбиться в него.

У нее есть первая любовь, которую она всегда будет хранить в своем сердце. Смутная, неполная любовь, которая делает ее жизнь завершенной.

Бай Шаоцин так устал, что ему казалось, будто кровь в его теле превратилась в желе. Весь путь от пика Нефритового пальца до горы Хуашань он проделал без отдыха. Но он был уверен, что опередил всех шпионов из культа Справедливости и выиграл себе три ценных дня.

По расчетам Фэн Луна, он должен достичь горы Хуашань только через три дня.

И он мог с пользой провести эти три дня.

— Мама, я возвращаюсь. — Едва сдерживая бурление крови, Бай Шаоцин снова бросился вперед.

На этот раз он направлялся в Янчжоу, к домику у озера.

*П/п: Я еще тут, и даже почти в порядке)

Песня, которую пели ребята, относится к известной опере, но ее, к сожалению, не перевели на русский язык, за исключением пары-тройки актов. К еще большему сожалению отрывок совершенно не дался переводчику, простите меня за это.

<http://bllate.org/book/15169/1340552>